

ГЕРОДИАН

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ПОСЛЕ МАРКА

КНИГА I

1. (1) Большинство занимавшихся составлением истории и стремившихся оживить память о давно прошедших делах, стараясь навеки прославить свою образованность, чтобы после безмолвной жизни не оказаться причисленными к многолюдной толпе, пренебрегали в своем повествовании истиной и в немалой степени позаботились о стиле и благозвучии, полагаясь на то, что, если им и случится рассказать что-либо баснословное, то все же приятность для слуха будет поставлена им в заслугу, а точность изложения проверяться не будет. (2) Некоторые вследствие вражды или ненависти к тиранам, из лести и ради возвеличения императоров, государств и частных лиц придали благодаря достоинствам своей речи обыкновенным и незначительным деяниям преувеличенную сравнительно с истиной славу.

(3) Я же не от других получил неизвестный и незасвидетельствованный исторический материал, а со всей тщательностью собрал для своего сочинения то, что еще свежо в памяти будущих читателей, предполагая, что познание многочисленных великих событий, произошедших в короткое время, не будет лишено приятности и для последующих поколений. (4) Если сравнить с этим все время начиная с Августа, с тех пор как римская власть перешла в монархию, то невозможно найти в течение почти двухсот лет до времен Марка ни такой смены одного царствования другим, ни превратностей гражданских и внешних войн, движений племен, завоеваний городов как в нашей стране, так и у многих варваров, землетрясений и заражений воздуха, вызывающих изумление жизнью тиранов и государей, о каких ранее упоминали редко или вовсе не упоминали; (5) из них одни держали в своих руках власть более продолжительное время, у других владычество было кратковременным, а были и такие, которые, достигнув лишь звания и почета на один день, сразу же были убиты. Ведь власть над римлянами, разделенная в течение шестидесяти лет между большим числом властителей, чем того требовал такой период времени, принесла много разнообразного и достойного удивления. (6) Из государей люди старшего возраста вследствие опытности в делах владели собой и управляли подданными более заботливо, а совсем молодые, проведя жизнь более беспечно, натворили много неслыханного; как это и естественно при различии возрастов и неодинаковой склонности к произволу, образ действий был неодинаковым. Как все это произошло, я расскажу в хронологическом порядке и по царствованиям.

2. (1) У императора Марка родилось несколько дочерей, а детей мужского пола двое. Из этих последних один ушел из жизни совсем молодым (имя ему было Вериссим), оставшегося же в живых, называвшегося Коммодом, отец вырастил с большой заботливостью, вызывая отовсюду людей, наиболее известных своей ученостью в провинциях, за весьма солидное вознаграждение, чтобы они воспитывали ему сына, постоянно с ним общаясь. (2) Дочерей, достигших зрелого возраста, он выдал замуж за лучших мужей сената, желая иметь зятьями не благородных по происхождению, с длинными родословными, и не блиставших огромными богатствами, а отличавшихся благопристойными нравами и воздержанным образом жизни; только это он считал подлинным¹ и неотъемлемым достоинством души. (3) Все виды добродетели были предметом его заботы; он любил старинную литературу, так что в этом не уступал никому из римлян, никому из эллинов; это видно из всех дошедших до нас его высказываний и писаний. (4) И по отношению к подвластным он высказывал себя благожелательным и мягким государем, приветствуя подходивших к нему и запрещая окружающим его телохранителям отстранять встречных. Единственный из государей, он укрепил философию не словами и не познанием учения, а серьезным нравом и воздержанным образом жизни. Его время принесло большой урожай мудрых мужей: ведь подчиненные всегда любят жить, подражая образу жизни правящего. (5) Все его мужественные и разумные деяния, заключавшие в себе полководческую или государственную доблесть, совершенные как у варварских племен², населяющих северные части земли, так и у живущих на Востоке, — описаны многими мудрыми мужами; а все то, что я после кончины Марка в течение всей своей жизни увидел и о чем услышал, а кое в чем и сам принимал участие, находясь на императорской или общественной службе, — это я описал.

3. (1) Марка, достигшего старости, изнуренного не только возрастом, но и трудами и заботами, в то время как он находился в области паннонцев, постигает тяжелая болезнь. Подозревая, что надежды на спасение у него слабые, и видя, что сын начинает вступать в юношеский возраст, он испытывал опасения, как бы цветущая юность, получив в сиротстве неограниченные и беспрепятственные возможности, не воспротивилась прекрасным наукам и занятиям и не предалась попойкам и кутежам (ведь души молодых людей очень легко скатываются к наслаждениям и отходят от всего прекрасного, прививаемого воспитанием). (2) Его, человека очень сведущего, тревожила память о тех, кто в молодости унаследовал царскую власть, — с одной стороны, о Дионисии, тиране сицилийском, который вследствие чрезмерной неводержанности гонялся за неслыханными наслаждениями ценой огромных трат, с другой стороны, — о бесчинствах и насилиях по отношению к подданным преемников Александра, которыми они позорили его власть. (3) Птолемей, дошедший до того, что в нарушение македонских и эллинских законов был в любовной связи с собственной сестрой, Антигон, во всем подражавший Дионису, покрывавший свою голову плющом вместо македонской войлочной шляпы и повязки, носивший тирс вместо скипетра. (4) Еще больше огорчали его события недавнего прошлого, свежие в памяти, — дела Нерона, который дошел до матерубийства и сделал себя посмешищем для народов, также — наглые поступки Домициана, ничем не уступавшие проявлениям крайней свирепости. (5) Рисую себе такие картины тирании, он был во власти страха и

¹ Наукпредложил вместо рукописного чтения «подлинным» (ἴδιον) читать «вечным» (αἰδιον).

² Не видим основания исключать из текста слова «у варварских племен», как это делает вслед за Рейске Ставенгаген.

надежды³. Немало тревожили его и соседи-германцы, не все еще им покоренные — одних он путем уговоров привлек в союз, других одолел оружием; были и такие, которые, обратившись в бегство, на время удалились, боясь присутствия столь великого государя. У него было подозрение, как бы они, презрев возраст юноши, не напали на него; ведь варвары обычно очень легко приходят в движение даже по случайным причинам.

4. (1) Тревожимый в душе столькими заботами, он, призвав друзей и всех находившихся при нем родственников, поставив, когда все сошлись, перед ними сына, слегка приподнялся на ложе и начал такую речь: (2) «В том, что вы огорчаетесь, видя меня в таком положении, нет ничего удивительного: ведь люди в силу своей природы испытывают жалость при несчастиях себе подобных, а ужасное, когда оно перед глазами, вызывает еще большее сочувствие. Что же касается меня, то у вас, я думаю, по отношению ко мне имеется и нечто большее: на основании своего расположения к вам я, естественно, надеюсь на ответное расположение. (3). Теперь подходящее время мне — почувствовать, что я не напрасно в течение столь продолжительного времени почитал вас и старался ради вас, а вам — воздать мне благодарность, показав, что вы не забываете то, что получили. Вы видите моего сына, которого вы сами вскормили; он как раз вступает в юношеский возраст и нуждается — словно в бурю и во время качки — в кормчих, чтобы, носясь по волнам из-за недостаточной опытности в должных делах, не быть брошенным на дурные занятия. (4) Станьте вы ему, вместо одного меня, многими отцами, оберегая его и давая ему наилучшие советы. Ведь ни изобилие денег само по себе не предотвращает тираническую необузданность, ни защита телохранителей недостаточна для охраны правителя, если вдобавок не будет приобретено расположение подданных. (5) Больше всего продлили без опасности свою власть все те, кто вселил в души управляемых не страх перед их жестокостью, а любовь к их порядочности. Ведь не те, кто испытывает рабство по принуждению, а те, кто подчиняется в силу убеждения, постоянно действуют и терпят, не вызывая подозрений; будучи свободными от притворной лести, они никогда не выйдут из повиновения, если только не будут принуждены к этому насилием или наглостью. (6) Трудно соблюсти умеренность и положить предел страстям, когда им служат неограниченные возможности. Давая ему такие советы и напоминая ему о том, что он, присутствуя здесь, слышит, вы сделаете из него наилучшего государя для вас и для всех, а также воздадите величайшую дань памяти обо мне и только таким образом сможете сделать ее вечной». (7) После этих слов наступило обморочное состояние, лишившее Марка возможности говорить; от слабости и терзаний духа он опять упал навзничь. Всех присутствовавших охватила жалость, так что некоторые из них не сдержались и испустили громкий вопль. Прожив еще одну ночь и один день, он почил, оставив скорбь своим современникам и вечную память о своей добродетели на будущие века. (8) После кончины Марка, когда молва о ней распространилась, все бывшее там войско, а равно и масса простого народа были охвачены скорбью, и не было никого из подвластных Риму людей, кто бы без слез услышал такую весть; все как бы в один голос громко называли его: одни — превосходным отцом, другие — добрым государем, третьи — замечательным полководцем, иные — воздержанным и скромным властителем, и никто не ошибался.

5. (1) По прошествии немногих дней, в течение которых друзья записали сына похоронами отца, они решили вывести юношу в лагерь, чтобы он побеседовал с воинами и, одарив их деньгами, как это в обычае у нас-

³ Здесь Ставенгаген (в противоположность всем прежним издателям) предполагает лакуну в тексте.

ледующих императорскую власть, щедрой раздачей привлек к себе войско. (2) Всем было объявлено прийти на равнину, обычно их вмещавшую. Коммод, выступив, совершал полагающиеся государю жертвоприношения, и так как для него было сооружено посреди лагеря высокое возвышение, он, взойдя на него и поставив вокруг себя друзей отца (при нем было много образованных людей), сказал следующее: (3) «Что у меня с вами общая скорбь из-за постигшего нас горя и вы не меньше меня страдаете — в этом я вполне уверен. Ведь при жизни моего отца я не требовал никакого преимущества перед вами. Он любил вас всех как одного⁴. С большей радостью он называл меня соратником, нежели сыном; второе, по его мнению, обозначало общность природы, первое — общность доблести. Держа меня на руках, он часто препоручал меня, еще младенца, вашей верности. (4) Поэтому я надеюсь, что буду очень легко пользоваться всяческим вашим расположением, так как со стороны старших это по отношению ко мне долг пестунов, а сверстников я по справедливости назвал бы соучениками в военных делах; ведь отец любил нас всех как одного и воспитывал вас во всяческой доблести. (5) После него судьба дала вам государем меня, не введенного со стороны, подобно тем, кто до меня гордился благоприобретенной властью, — я единственный у вас был зачат в императорском дворце и императорская порфира приняла меня, не знавшего обыкновенных пеленок, сразу же по выходе из материнского чрева; солнце увидело меня одновременно и человеком, и государем. (6) Принимая все это во внимания, вы, естественно, могли бы полюбить меня, не дарованного вам, а рожденного императора. Ведь отец, вознесшись на небо, является уже спутником богов и участником их советов; нам же полагается заботиться о человеческих делах и устраивать то, что на земле. Успешно же завершать и упрочивать их — ваше дело, если вы со всяческим мужеством покончите с остатками войны и продвините Римскую державу до океана. (7) Ведь вам это принесет славу, и вы таким образом воздадите достойную благодарность памяти общего отца, о котором вы должны думать, что он внемлет тому, что говорится, и взирает на то, что совершается. Мы могли бы преуспевать, поступая должным образом и имея такого свидетеля. Прежние ваши мужественные подвиги приписываются его мудрости и командованию, а за рвение, проявленное вами вместе со мной, молодым государем, славу доброй верности и мужества приобретете вы сами⁵. Нашей молодости вы придадите достоинство благодаря доблести ваших дел. Варвары же, обузданные в самом начале молодого правления, и в настоящее время не дерзнут презирать наш⁶ возраст и впредь будут испытывать страх, опасаясь того, что они уже испытали». Сказав так и щедрыми раздачами денег расположив к себе войско, Коммод возвратился в императорский дворец.

б. (1) В течение некоторого недолгого времени все делалось в соответствии с замыслами отцовских друзей, которые весь день были при нем, давая ему наилучшие советы и предоставляя ему столько свободного времени, сколько, по их мнению, было достаточно для разумной заботы о теле. Втершиеся к нему некоторые из придворных служителей пытались испортить молодой нрав государя — все те, кто льстит за столом и измеряет блаженство желудком и постыднейшими делами; они напоминали ему о роскошной жизни в Риме, рассказывая об усладах зрения и слуха, пере-

⁴ Вместо рукописного чтения «как одного» (ὡς ἑνα), Наук предложил читать «как меня» (ὡς ἐμέ); конъектура Наук принята в издании Мендельсона.

⁵ Слово «сами» (αὐτοί) вставляет в текст Мендельсон (на основании перевода Полициано); конъектуру Мендельсона принимает Ставенгаген.

⁶ Слово «наш» (ἡμετέρως) — вставка Стефана, принятая Мендельсоном и Ставенгагеном (на основании перевода Полициано).

числяли изобилие съестного, бранили весь климат на берегах Истра, где нет урожая плодов и всегда морозно и хмуро. (2) «Довольно тебе, — говорили они, — владыка, пить мерзлую и выкапываемую из земли воду! Что же, другие будут пользоваться теплыми источниками и прохладными струями, испарениями и воздухом, какие приносит одна только Италия?». Представляя юноше такие картины, они возбуждали в нем стремление вкушать наслаждения. (3) Неожиданно созвав друзей, он стал говорить, что тоскует по родине; однако, стыдясь открыто признать причину внезапного порыва, он притворялся, будто опасается, как бы кто-нибудь из богатых патрициев не завладел в Риме императорским жилищем, а затем как из неприступной крепости, обеспечив себе силу и сторонников, не попытался захватить власть; ведь народ в состоянии доставить множество отборных юношей. (4) В то время как юноша выставлял такие предлоги, другие, внутренне подавленные, мрачно потупили взор в землю; Помпей же, который был старше всех и приходился ему свойственником по браку (он был мужем старшей сестры Коммода), сказал: «Естественно, что ты, дитя мое и владыка, тоскуешь по родине; ведь и мы охвачены такой же тоской по тому, что мы оставили дома. (5) Однако здешние дела, более существенные и более настоятельные, сдерживают нашу тоску. Ведь тем, что там, ты будешь наслаждаться и впоследствии в течение долгой жизни — а Рим там, где находится государь. Оставить же войну незаконченной не только постыдно, но и опасно: ведь мы придадим смелость варварам, которые будут осуждать нас не за жажду возвратиться домой, а за бегство и страх. (6) Прекрасно было бы для тебя, взяв их всех под свою руку и сделав границей державы на севере океан, возвратиться домой, справляя триумф и ведя в оковах пленными варварских царей и правителей. Этим ведь жившие до тебя римляне стали великими и славными. Не следует тебе опасаться, как бы кто-нибудь там не попытался захватить государственные дела. Ведь лучшие люди сената здесь с тобой, вся имеющаяся военная сила служит тебе щитом; все казнохранилища императорских денег находятся здесь, а память об отце обеспечила тебе вечную верность и расположение подвластных». (7) Сказав такую речь для ободрения и пробуждения лучших стремлений, Помпей ненадолго сдержал юношу; пристыженный этими словами, не найдя разумного ответа, Коммод отпустил друзей, заявив, что тщательно обдумает наедине, как следует поступить. (8) Ввиду настоящих окружавших его служителей, он уже ни о чем более не посоветовался с друзьями, но разослав письма и распределив попечение о берегах Истра между назначенными им по своему усмотрению лицами, приказав им сдерживать набеги варваров, объявляет об отбытии. Они и стали заниматься тем, что им было поручено; в скором времени они одолели оружием большую часть варваров, а некоторых привлекли к дружбе большими денежными пособиями — убедить их было очень легко. (9) Ведь варвары по природе корыстолюбивы и, презрев опасности, либо набегами и нашествиями добывают себе необходимое для жизни, либо соглашаются на мир в обмен на большую плату. Зная это и покупая себе свободу от забот, Коммод, обладая в изобилии деньгами, давал им все, что они требовали.

7(1) После объявления об отбытии величайшее волнение охватывает лагерь; все хотели возвратиться вместе с ним, чтобы избавиться от пребывания во вражеской стране и вкусить роскошную жизнь в Риме. Когда же молва распространилась и прибыли вестники, сообщая о предстоящем прибытии государя, римский народ чрезвычайно обрадовался и возлагал добрые надежды на пребывание молодого императора в Риме, полагая, что юноша будет следовать примеру отца. (2) Совершив путь с юношеской поспешностью и быстро пройдя промежуточные города, повсюду встреченный

по-царски, и явив себя ликующему населению, Коммод показался всем любезным и желанным. (3) Когда он приблизился к Риму, весь сенат и всем народом все обитавшие в Риме люди, не сдерживая себя, но всякий желая опередить других, неся лавровые ветви и держа разнообразные распустившие в ту пору цветы, встречали его, насколько это было для каждого возможно, на далеком расстоянии от города, чтобы увидеть молодого благородного государя. (4) Ведь они тосковали по нему благодаря истинному душевному расположению, так как он родился и был вскормлен у них и был государем в третьем поколении и римским патрицием. Его род по отцу происходил из сенатской знати, мать же Фаустина родилась государственной как дочь Антонина, прозванного Благочестивым, и потомок Адриана по женской линии, а род свой она возводила к прадеду Траяну. (5) Таково было происхождение Коммода. Вдобавок к цветущему возрасту он имел привлекательную наружность благодаря стройному телосложению и красивому лицу, в соединении с мужественностью. Взор у него был ласковым⁷ и огненным, волосы от природы белокурыми и вьющимися, так что, когда он шел, освещенный солнцем, от него исходило нечто столь огнеподобное, что одни думали, будто его перед выходом посыпают золотыми стружками, а другие обожествляли его, говоря, что вокруг головы с самого его рождения появилось некое небесное сияние; расцветал и спускавшийся по его щекам первый пушок. Увидя такого государя, римляне принимали его со всевозможным словословием, бросая ему венки и цветы. (6) Въехав в Рим, сразу же посетив святилище Юпитера и другие храмы, выразив сенату и оставленным в Риме воинам благодарность за сохранение верности, он удалился в императорский дворец.

8 (1). В течение немногих лет он оказывал всяческий почет отцовским друзьям и во всех делах пользовался их советами; когда же он взял в свои руки попечение о государстве, поставив во главе лагерей Перенниса, родом италийца, слывшего дельным воином (главным образом поэтому он и сделал его префектом претория), тот, злоупотребляя возрастом юноши, позволил⁸ ему заниматься удовольствиями и попойками, отвратил его от забот и подобающих государю трудов, (2) а все управление государством взял на себя, руководимый неодолимой жаждой богатства, пренебрежением к тому, чем он в каждый данный момент владел, и ненасытным стремлением к тому, чего у него еще не было. Он первый начал клеветать на отцовских друзей и, возбуждая подозрение против всех, кто был богат и знатен, пугал юношу с той целью, чтобы тот умертвил их и дал ему основание и возможность грабить их достояние. (3) До каких-то пор юношу сдерживали память об отце и уважение к друзьям. Однако, словно некая злая и завистливая судьба стремилась опрокинуть остатки его благоразумия и порядочности, случилось следующее. Луцилла была у Коммода старшей из всех сестер. Она была раньше супругой императора Луция Вера, которого Марк сделал своим соправителем и, выдав за него замуж дочь, создал благодаря этому браку надежнейшие узы взаимной привязанности. Когда же случилась смерть Луция, отец, оставив Луцилле знаки императорского достоинства, выдал ее замуж за Помпеяна. (4) Тем не менее и Коммод сохранил за сестрой почести: она и в театрах сидела в императорском кресле, и перед ней несли факел. После того как Коммод взял

⁷ Русским словом «ласковый» передаем греческое *ἄρμυλος*, означающее собственно «связанный дружбой», «союзный»; впрочем, Ставенгаген считает это место Геродиана испорченным.

⁸ Слово «позволил» (*εἰςαθεν*) Ставенгаген без достаточных оснований выбрасывает из текста; не принимая этой поправки, мы тем самым избавляемся от обязанности перестраивать свой перевод в соответствии с текстом Ставенгагена.

жену по имени Криспина и стало необходимым предоставить первенство жене царствовавшего государя, Луцилла тяжело переживала это и считала почести той поношением себе; зная, что ее муж Помпеян любит Коммода, она не делится с ним мыслями о захвате власти, Кократу же, знатному и богатому юноше (ее обвиняли в тайной связи с ним), она, испытывая образ его мыслей, беспрерывно жаловалась по поводу первенства и понемногу внушила юноше замысел, гибельный для него и для всего сената. (5) Взяв в соучастники своего заговора некоторых из видных лиц, он уговаривает одного молодого человека, также принадлежавшего к сенату, по имени Квинтиан, опрометчивого и дерзкого, спрятать за пазуху кинжал, подстеречь подходящее время и место, напасть на Коммода и убить его; остальное, сказал он, он сам уладит путем раздачи денег. (6) Тот, незаметно став у входа в амфитеатр (а там темно, поэтому он понадеялся остаться незамеченным), обнажив кинжал, внезапно подступил к Коммоду и громким голосом объявил, что это послано ему сенатом; не успев нанести рану, он, теряя время на произнесение слов и показ оружия, был схвачен телохранителями государя и поплатился за свое неразумие, так как, объявив о своем замысле раньше, чем выполнить его, он дал возможность себя, заранее уличенного, задержать, а тому, заранее предупрежденному, — остерегаться. (7) Это было первой и главной причиной ненависти юноши к сенату; сказанное ранило его душу, и он стал считать всех сенаторов вместе врагами, постоянно помня о речи напавшего на него. (8) И у Перенниса оказался подходящий предлог и основание: ведь он всегда советовал Коммоду обрывать и обрубить всех, кто выдавался среди других; грабя их имущество, он очень легко стал богатейшим из современных ему людей. Благодаря Переннису расследование было произведено очень тщательно, и Коммод казнил свою сестру, а также беспощадно всех, кто состоял в заговоре, и тех, кто подвергся каким бы то ни было подозрениям.

9. (1) Устранив всех, кого уважал Коммод и кто выказывал ему отеческое расположение и заботился о его спасении, Переннис, сделавшись всемогущим, начал замышлять захватить власть; он убеждает Коммода вручить командование иллирийскими войсками его сыновьям, еще молодым людям, а сам собирает огромные деньги, чтобы великолепными раздачами склонить войско к отпадению. Сыновья же его тайно накапливали силы, чтобы попытаться захватить власть, после того как Переннис умервит Коммода. (2) Замысел стал известен удивительным образом. Римляне устраивают священные игры в честь Юпитера Капитолийского; при этом соединяются все зрелища, в которых обнаруживается умение⁹ и сила, как это и подобает, когда императорский город справляет празднество. Вместе с другими жрецами, которых призывает к этому очередь по прошествии определенного срока, зрителем и судьей бывает государь. (3) Когда Коммод прибыл, чтобы послушать знаменитых участников состязания, и занял императорское кресло, а театр наполнился при соблюдении полного порядка и высокопоставленные лица сели в выделенные для них кресла, как каждому полагалось, прежде чем на сцене что-либо было сказано или сделано, человек, по виду философ (у него в руках был посох, и на нем, полуобнаженном, висела сума), вбежал и, став посреди сцены, заставив движением руки умолкнуть народ, сказал: (4) «Не время тебе, Коммод, те-

⁹ Русским словом «умение» передаем греческое σοφία, которого нет в рукописях. Оно представляет собой одну из конъектур, предложенных для заполнения лакуны. Другие конъектуры: «мусическое искусство» (μουσική), «театральное искусство» (θεατρική) — эта последняя конъектура, принятая Ставенгагеном, принадлежит Шварцу.

перь справлять празднество и заниматься зрелищами и торжествами; к твоей шее приставлен меч Перенниса, и если ты не уберешься от опасности, которая не нависает, а уже надвинулась, ты сам не заметишь, как погибнешь. Ведь сам он здесь собирает против тебя силу и деньги, а дети его подговаривают иллирийское войско. Если ты не предупредишь их, ты пропал». (5) Когда он это сказал либо под воздействием роковой неизбежности, либо осмелев ради снискания славы, тогда как раньше он был неизвестен и незаметен, либо понадеявшись получить от государя щедрую награду, Коммод впадает в безмолвие. И все начали подозревать то, о чем было сказано, но притворялись, что не верят. Переннис приказывает схватить его и как безумного и говорящего ложь предать сожжению. Такому наказанию тот подвергся за несвоевременную откровенную речь. (6) Те из окружения Коммода, кто притворялся преданным ему, уже давно ненавидя Перенниса (ведь он был неприятен и невыносим из-за своего высокомерия и наглости), получив теперь удобный случай, пытались очернить его. Значит суждено было Переннису вместе с его сыновьями погибнуть злой смертью. (7) Прибыли немного времени спустя какие-то войны, тайно от сына Перенниса, и привезли монеты с выбитым его изображением; не замеченные Переннисом, хотя он и был начальником, и показав монеты Коммоду и сообщив ему о тайных замыслах, сами они получили большие награды; (8) к Переннису же, не знавшему об этом и ничего подобного не ожидавшему, Коммод ночью подсылает людей и отрубает ему голову; и поспешно, чтобы опередить распространение сведений о событиях, он высылает людей, которые мчались бы стремительнее молвы и могли бы предстать перед сыном Перенниса, еще ничего не знавшим о том, что произошло в Риме; написав дружеское письмо и сказав, что зовет его, подавая надежды на более высокое положение, он велит ему прибыть. (9) Тот, ничего не ведая ни о приготовлениях и замыслах, ни о том, что с его отцом, так как вестники сказали, что отец на словах дал такое же приказание, письма же никакого не прислал, считая достаточным императорское послание — поверив этому, молодой человек, хотя и досадуя и негодуя из-за того, что оставляет свои замыслы неосуществленными, все же полагаясь на будто бы еще прочное могущество отца, решается выехать. (10) Когда он был уже в Италии, люди, которым это было приказано, умертвили его. Такой конец постиг их. Коммод же поставил двух префектов, полагая, что безопаснее не вверять столь высокую должность одному; он надеялся, что, разделенная, она слабее будет внушать желание захватить императорскую власть.

10. (1) По прошествии недолгого времени возник против него другой злой умысел такого рода. Был некий Матерн, прежде воин, осмелившийся на многие ужасные поступки, покинувший ряды войска и уговоривший других бежать вместе с ним от тех же обязанностей; собрав в короткое время большую шайку злодеев, он сначала разбойничал, делал набеги на деревни и поля, завладев же множеством денег, он с помощью щедрых обещаний даров и участия в дележе добычи собрал большее число злодеев, так что их оценивали уже не как разбойников, а как военных преступников. (2) Они нападали уже на крупнейшие города и, насильно взламывая имевшиеся в них тюрьмы, освобождая от оков и выпуская заключенных по любым обвинениям, обещая им безнаказанность, своими благодеяниями привлекали их к своему союзу. Опустошая всю страну кельтов и иберов, вторгаясь в крупнейшие города, частично сжигая их, прочее же подвергая разграблению, они уходили. (3) Когда об этом было сообщено Коммоду, он рассылает наместникам провинций послания, преисполненные гнева и угроз, обвиняя их в беспечности, и приказывает им собрать против тех войско. Те, узнав, что против них стягиваются силы, удалились из тех

местностей, которые они опустошали, и тайком самыми скорыми и недоступными путями небольшими группами начали проникать в Италию; Матерн стал уже задумываться об императорской власти и более великих делах.

(4) Вследствие того, что в прежних его начинаниях удача превзошла все ожидания, он счел необходимым, совершив нечто великое, добиться успеха или, раз уже он подвергся опасности, погибнуть не незаметно и не без славы. Полагая, что сила у него не столь большая, чтобы в столкновении при равных условиях и при открытом нападении устоять против Коммода (он принимал в расчет, что масса римского народа еще продолжает быть преданной Коммоду, а также преданность окружавших его телохранителей), он надеялся одолеть его с помощью хитрости и ума. И он придумывает следующее. (5) В начале весны каждого года, в определенный день римляне совершают шествие в честь матери богов, и все имеющиеся у кого бы то ни было драгоценные вещи и императорские сокровища, все, что замечательно благодаря материалу или искусству, проносятся в шествии впереди богини. Всем предоставляется неограниченная возможность всяких шуток, и каждый принимает вид, какой хочет; нет столь большого и высокого звания, облекшись в одежды которого, всякий желающий не мог бы шутить и скрывать истину, так что не легко различить подлинного и представляемого.

(6) Матерн решил, что это — подходящее время для незаметного осуществления его злого умысла; ведь он надеялся, приняв вид телохранителя и таким же образом вооружив своих людей, смешав их с толпой копеечников так, чтобы их считали участниками шествия, внезапно напасть на никем не охраняемого Коммода и убить его. (7) Однако вследствие того, что произошло предательство и некоторые из его людей раньше проникли в город и выдали его замысел (их к тому побудила зависть, так как им предстояло иметь его уже не главарем разбойников¹⁰, а господином и государем), Матерн до наступления праздника был схвачен и обезглавлен, а его сообщники подверглись заслуженному наказанию. Коммод же, совершив жертвоприношение богине и пообещав благодарственные дары, с ликованием справлял торжество и сопровождал богиню. Народ одновременно с торжеством праздновал спасение государя.

11. (1) Римляне особенно почитают эту богиню по следующей причине, как мы узнали из исторического предания; упомянуть о ней мы решили вследствие незнакомства с ней некоторых эллинов. Сама статуя, как говорят, является ниспосланной от Зевса — не известны ни материал ее, ни мастер, который ее сделал, и к ней не прикасалась рука человеческая. Есть молва, что она была спущена с неба в одну местность во Фригии (имя ей Пессинунт, а это название место получило от упавшей с неба статуи)¹¹ и впервые была там увидена.

(2) У других же мы находим, что там, как говорят, произошла война между фригийцем Илом и лидийцем Танталом — согласно одним, из-за границ, согласно другим — в связи с похищением Ганимеда; вследствие того, что битва длилась долго без чьего-либо перевеса, с обеих сторон пало порядочно людей; и это несчастье дало название месту. Там, говорят, исчез и похищенный Ганимед, когда брат и любовник тащили его в разные стороны; так как тело его исчезло, то происшествие с юношей стало предметом мифа о божественном вмешательстве и о похищении Зевсом. В названном выше Пессинунте в древности фригийцы справляли оргии у проте-

¹⁰ До Ставенгагена в этом месте принималось рукописное чтение — «разбойником» (λῆστοσ); Ставенгаген предложил конъектуру — «главарем разбойников» (ἀρχιλήστοσ)

¹¹ Название «Пессинунт» (Πεσσινούσ) связывали с формой аориста глагола «падать» (ἐπεσεν).

кающей там реки Галла, от которой носят название кастрированные жрецы богини; (3) когда же стало возвышаться государство римлян, им, говорят, было дано предсказание, что их держава пребудет прочной и очень возвеличится, если они привезут к себе пессинунтскую богиню. Отправив послов к фригийцам, они потребовали статую; согласия они добились легко, ссылаясь на родство и перечисляя преемственность поколений от фригийца Энея до них самих. Доставленная на корабле и находившаяся в устье Тибра (римляне пользовались им вместо гавани), статуя остановила божественной силой судно. (4) Хотя римляне всем народом долго тянули корабль, последний из-за сопротивления ила поплыл вверх не раньше, чем была приведена жрица Весты¹². Ей полагалось сохранять девственность, но ее обвиняли в нарушении чистоты. Вследствие того, что ей предстоял суд, она умоляет народ передать решение пессинунтской богине; сняв с себя пояс, она привязала его к носу корабля, произнеся молитву, чтобы, если она девственна и чиста, судно поддастся ей. (5) Привязанный к поясу корабль легко поддался, и римляне удивлялись одновременно и обнаружению воли богини и непорочности девушки. Пусть это будет с благоговением рассказано о пессинунтской богине; в этом будет не лишнее приятности познание для тех, кто недостаточно осведомлен в римских делах. Коммод же, избежав злого умысла Матерна, усилил свою охрану и стал редко показываться народу, проводя большую часть времени в предместьях и императорских имениях вдали от города и отстраняясь от участия в судах и в государственных делах.

12. (1) Случилось так, что в это время чумная болезнь охватила Италию; наибольшей силы болезнь достигла в городе Риме, который сам по себе многолюден и принимает приезжих отовсюду; погибало множество и вьючного скота и людей. (2) Тогда Коммод по совету некоторых врачей удалился в Лаврент: ведь это место, отличающееся благодатной прохладой и осененное лавровыми рощами (откуда происходит и название места), казалось спасительным и, как говорили, сопротивлялось заражению воздуха благодаря благовонию лавровых испарений и приятной тени деревьев. Но и жители Рима по предписанию врачей наполняли ноздри и уши самым благовонным миром и постоянно употребляли курения и пахучие вещества, так как некоторые говорили, что благовоние, опередив, наполняет проходы чувствительных органов и препятствует восприятию вредоносного воздуха, а то, что раньше попадает туда, подавляется более мощной силой благовония. Болезнь тем не менее сильно свирепствовала, и погибло множество людей и живущих с людьми животных.

(3) В это самое время на город надвинулся и голод по следующей причине. Был некий Клеандр, родом фригиец, из тех, кто обычно продается публично по объявлению глашатая; став домашним рабом государя, он вырос вместе с Коммодом и был им удостоен такой чести и могущества, что ему были доверены личная охрана, заведывание опочивальней государя и командование войсками; богатство и роскошь внушили ему страстное желание захватить императорскую власть. (4) Накапливая деньги и скупая в огромном количестве хлеб и держа его под замком, он надеялся привлечь к себе народ и лагерь, сначала вызвав недостаток провианта, затем, когда они благодаря щедрым раздачам попадут ему в руки, привлечь их к себе ввиду нужды в самом необходимом. Построив огромный гимнасий, он передал им его в качестве общественной бани. Так он пытался приманить народ.

(5) Римляне же, враждебно относившиеся к нему и приписывавшие ему причину страшных бед, ненавидевшие его ненасытную жажду богатства,

¹² Перевод дается по тексту второго издания Беккера, принятому Мендельсоном.

сначала дурно говорили о нем, сходясь в театрах толпами и, наконец, во время пребывания Коммода в предместье, двинувшись всем народом, стали кричать и требовать смерти Клеандра. (6) В предместье происходило смятение, а Коммод предавался удовольствиям в уединенных местах и не знал общих толков, так как Клеандр запрещал сообщать ему что-либо о происходившем. Внезапно, неожиданно для народа появляются, по приказанию Клеандра, все императорские всадники во всеоружии. Они начали поражать встречных и наносить им раны. (7) Народ не был даже в состоянии противостоять им, невооруженные — вооруженным и пешие — всадникам. Обратившись в бегство, они устремились в город. Народ подвергался истреблению не только от того, что его поражали воины и растапывали кони; многие погибали в давке среди толпы и падая друг на друга, теснимые всадниками¹³. (8) До ворот Рима всадники, не встречая препятствий, беспощадно убивали попадавшихся им под руку; когда же оставшиеся в городе, узнав о случившейся беде, заперев входы в дома, поднявшись на крыши, начали бросать во всадников камнями и черепицами, тем пришлось терпеть то, что они сами совершали, так как никто не сражался с ними грудь с грудью, а народная масса поражала их, сама находясь уже в безопасности; получая раны и не в состоянии держаться, они обратились в бегство, и многие из них погибали. (9) Из-за непрерывного швыряния камней кони, ступая по катившимся камням, поскальзывались и сбрасывали всадников. С обеих сторон многие падали, а к народу из-за ненависти к конным приходили на помощь и находившиеся в городе пешие воины.

13. (1) В то время как происходила междоусобная война, никто другой не хотел сообщить о ней Коммоду из страха перед могуществом Клеандра; старшая же из сестер Коммода (имя ей было Фадила), вбежав к государю (доступ для нее, сестры, был легким и беспрепятственным) с распущенными волосами и бросившись на землю, (2) всем своим видом изобразив горе, сказала: «Ты, о государь, пребывая в спокойствии вследствие неведения того, что творится, подвергаешься величайшей опасности; мы же, твои родственники, вот-вот погибнем! Нет у тебя римского народа и большей части воинов. То, что мы не ожидали претерпеть ни от кого из варваров, это прodelьывают с нами наши домашние и кого ты больше всего облагодетельствовал — эти и оказываются твоими врагами; (3) Клеандр вооружил против тебя народ и воинов; настроенные по-разному и под влиянием неодинакового образа мыслей, одни — ненавидя его (это народ), другие — любя (вся конница)¹⁴, они находятся под оружием и, губя друг друга, наполнили Рим родственной кровью. Беды обеих толп захватят и нас, если ты не выдашь как можно скорее на смерть дурного слугу, который для одних уже стал виновником столь великого истребления, а для нас совсем скоро будет». (4) Сказав такое и разорвав на себе одежду, она, как и некоторые из присутствовавших, осмелевшие после слов сестры государя, напугали Коммода. Последний, потрясенный и страшась нависающей опасности, не предстоявшей, а уже надвинувшейся, посылает за Клеандром, ничего не знавшим о том, что было доложено, но кое-что подозревавшим. Когда он пришел, Коммод приказывает схватить его и, отрубив ему голову и насадив ее на длинное копьё, посылает народу как приятное и желанное

¹³ Сохраняем в переводе, в согласии с рукописями и Беккером, упоминание о всадниках (ἐπὶ τῶν ἰππέων), исключенное из текста в изданиях Мендельсона и Ставенгагена.

¹⁴ Имеющиеся в рукописях пояснения («это народ» и «вся конница») исключены из текста в изданиях Мендельсона и Ставенгагена; в переводе они сохранены.

зрелище. (5) Так прекратился ужас и обе стороны перестали воевать, войны — увидя убитым того, ради кого они сражались, и из страха перед гневом государя (они понимали, что были обмануты и их дерзкие поступки были совершены вопреки его воле); народ же был удовлетворен, отомстив тому, кто совершил ужасные дела. (6) Сверх того, они убили и детей Клеандра (у него их было двое мужского пола) и умертвили всех, кто, как они знали, был его другом; влача их тела и подвергая их всяческому поруганию, они, наконец, принесли их обезображенными к водосточным каналам и бросили туда. Таков был конец Клеандра и его близких; можно было сказать, что природа постаралась на одном примере показать, что незначительный и неожиданный поворот судьбы может поднять из крайнего ничтожества до величайшей высоты и опять бросить вниз возвеличенного.

(7) Коммод, опасаясь волнения народа — как бы последний чего-либо над ним не учинил, все же по настоянию близких возвратившись в город, принятый со всяческим славословием сопровождавшего его народа, вернулся в императорский дворец. Испытав столь великие опасности, он стал относиться с недоверием ко всем, беспощадно убивая и легко веря всем наветам; он не допускал к себе никого из достойных уважения, отстранился от благородных занятий, и всю его душу поработили чередовавшиеся ночью и днем необузданные чувственные наслаждения. (8) И всякий разумный и хотя бы умеренно причастный к образованности человек изгонялся из дворца как злоумышленник, а балагуры и исполнители самых постыдных ролей держали его под своей властью. Он учился быть возницей на колесницах и сражаться лицом к лицу со зверями, причем льстецы воспевали это, прославляя как проявление мужества, а он предавался таким занятиям более непристойным образом, чем это подобало разумному государю.

14 (1). Появились в это время и некоторые божественные знамения. Непрерывно были видимы днем звезды, другие растягивались в длину, так что, казалось, повисали посреди воздуха. Часто рождались отклонявшиеся от своей природы животные, имевшие чуждый вид и несуразные части тела. (2) Самое же грозное, что огорчило и на данное время и встревожило на будущее всех, видевших в этом знамение и дурные приметы, то, что хотя перед тем не выпадал дождь и не собирались тучи, а лишь было небольшое землетрясение — потому ли, что ночью упала молния или откуда-то вследствие землетрясения распространился огонь, — сгорело все святилище Мира, бывшее самым большим и самым прекрасным из сооружений в городе. (3) Это был богатейший из всех храмов, ввиду своей безопасности украшенный посвящениями из золота и серебра; всякий хранил там то, что имел. Но огонь в ту ночь многих превратил из богатей в бедняков. Поэтому все сообща скорбели об общем достоянии, а каждый — о своем собственном. (4) После того как огонь уничтожил храм и всю ограду, он распространился на большую часть прекраснейших сооружений города; в то время был уничтожен огнем храм Весты, и увидели появившееся на свет изваяние Паллады, привезенное из Трои, почитаемое и скрываемое римлянами; тогда-то впервые после его прибытия из Илиона в Италию его увидели люди нашего времени. (5) Ведь девы, жрицы Весты, охватив изваяние, перенесли его по Священной улице в императорский дворец. Сгорело и очень много других частей города, и при этом прекраснейших; в течение немалого числа дней, наступая, огонь пожирал все и перестал не раньше, чем обрушившиеся дожди сдержали его порыв. (6) Поэтому во всем этом происшествии увидели нечто божественное, так как в то время тогдашние люди верили, что возникновение и прекращение огня было проявлением воли и могущества богов. Некоторые предлагали на основании этого происшествия, что гибель храма Мира была

предзнаменованием войн; последовавшие события, как мы расскажем в дальнейшем, подтвердили своим исходом существовавшую ранее молву. (7) Ввиду того, что много ужасных бедствий непрерывно постигало город, римский народ перестал благосклонно смотреть на Коммода и начал объяснять причины следовавших одно за другим несчастий его казнями без суда и прочими злодеяниями в его жизни. Ведь то, что делалось, не было скрыто от всех, да и сам он не хотел скрывать: то, что он делал дома и о чем злословили, это он осмеливался открыто выставлять напоказ. (8) Он дошел до такого безумия и пьяного бесчинства, что прежде всего отверг свое прозвание по отцу и вместо Коммода, сына Марка, приказал именовать себя Гераклом, сыном Зевса; сняв с себя римское и императорское облачение, он натягивал на себя львиную шкуру и носил в руках дубину; носил он и пурпурные и золотые одежды, так что стал смешным, подражая своим внешним видом одновременно и расточительству женщин и силе героев. (9) Таким он появлялся во время своих выходов. Изменил он и названия месяцев года, отменив древние и назвав все месяцы своими собственными прозваниями, большая часть которых относилась к Гераклу как наиболее мужественному. Он поставил и свои статуи по всему городу и даже против здания сената — статую с натянутым луком — он хотел, чтобы и его изображения грозили ужасом. Эту статую сенат после его смерти убрал и воздвиг изображение свободы.

15.(1) Коммод, уже не сдерживая себя, принял участие в публичных зрелищах, дав обещание собственной рукой убить всех зверей и сразиться в единоборстве с мужественнейшими из юношей. Молва об этом распространилась, и со всей Италии и соседних провинций сбегались люди, чтобы посмотреть на то, чего они раньше не видали и о чем не слыхали. Ведь толковали о меткости его руки и о том, что он, бросая копьё и пуская стрелу, тщательно избегал промахов. (2) При нем были обучающие его чрезвычайно опытные в стрельбе из лука парфяне и лучшие метатели копьё мавританцы — их всех он превосходил ловкостью. Когда же наступили дни зрелищ, амфитеатр наполнился; для Коммода была устроена ограда в виде кольца, чтобы он не подвергался опасности, сражаясь со зверями лицом к лицу, но бросая копьё сверху, из безопасного места, выказывал больше меткость, нежели мужество. (3) Он поражал оленей и газелей и других рогатых животных, какие еще есть, кроме быков, бегая вместе с ними и преследуя их, опережая их бег и убивая их ловкими ударами; львов же и леопардов и других благородных зверей, какие есть еще, он, обегая вокруг, убивал копьём сверху. И никто не увидел ни второго дротика, ни другой раны, кроме смертоносной; (4) как только животное выскакивало, он наносил удар в лоб или в сердце и никогда не метил в другую цель, и дротик его не попадал в другую часть тела, так чтобы одновременно с ранением не причинять и смерть. Отовсюду для него привозились животные. (5) Тогда мы увидели то, чему мы удивлялись на картинах: он, убивая, показал римлянам всех животных, дотоле неизвестных, из Индии и Эфиопии, из южных и северных земель. Все поражались меткости его руки. Как-то, взяв стрелы, наконечники которых имели вид полумесяца, он, выпуская их в мавританских страусов, мчавшихся благодаря быстроте ног и изгибу крыльев с необыкновенной скоростью, обезглавливал их, перерезая верхнюю часть шеи; даже лишённые голов из-за стремительности стрел, они продолжали бежать вокруг, будто с ними ничего не случилось. (6) Когда однажды леопард в своем чрезвычайно быстром беге настиг выпускавшего его человека и готовился укусить его, Коммод, опередив своим дротиком, зверя убил, а человека спас, опередив наконечником копьё острие зубов. Однажды, когда из подземелий была одновременно выпущена сотня львов, он убил их всех таким же количеством дро-

тиков — трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не увидели лишнего дротика. (7) До этих пор, хотя его поступки и не соответствовали императорскому положению, однако в них было благодаря мужеству и меткости нечто приятное для простого народа; когда же он вышел обнаженный в амфитеатр и, взяв оружие, начал вступать в единоборство, тогда уже народ с неодобрением посмотрел на зрелище — благородный римский император, после стольких трофеев отца и предков, берет не против варваров воинское или подобающее римской власти оружие, но глумится над своим достоинством, принимая позорнейший и постыдный вид. (8) Вступая в единоборство, он легко одолевал противников, и дело доходило до ранений, так как все поддавались ему, думая о нем как о государе, а не как о гладиаторе. Дошел он до такого безумия, что не хотел больше жить в императорском жилище, но пожелал переселиться в казарму гладиаторов. Себя он повелел называть уже не Гераклом, но именем одного знаменитого незадолго до того скончавшегося гладиатора. Отрубив голову величайшей колоссальной статуи, почитаемой римлянами, представляющей собой изображение Солнца, он поместил там свою голову, подписав на основании обычные императорские и отцовские прозвания, но вместо «Германский» — «победивший тысячу гладиаторов».

16. (1) Нужно же было когда-нибудь и ему перестать безумствовать, и Римской державе перестать быть под властью тирана. С наступлением дня нового года он намеревался...¹⁵ В этот день римляне справляют праздник, связывая его с древнейшим местным богом Италии; говорят, что Кронос, лишенный власти Зевсом, стал, спустившись на землю, гостем этого бога; боясь могущества сына, он скрылся, прячась у него. Отсюда и было дано название этой местности Италии — и она стала называться Лацием — слово было перенесено из греческого языка в местный. (2) Поэтому и до сих пор итальянцы справляют предварительно кронии в честь скрывшегося бога, а начало года празднуют в честь италийского бога. Поставлено его двуликое изображение, так как год начинается и кончается им. С наступлением этого торжества римляне особенно поздравляют и приветствуют друг друга и доставляют друг другу удовольствие, взаимно даря деньги и наделяя всеми благами, приносимыми землей и морем; (3) эпониимные должностные лица тогда в первый раз надевают на себя, на год, знаменитую пурпурную одежду. В то время как все занимались празднованием, Коммод пожелал выйти не из императорского дома, как это принято, а из казармы гладиаторов и предстать перед римлянами не в красивой окаймленной императорской порфире, а неся сам оружие в сопровождении остальных гладиаторов. (4) Когда он сообщил об этом своем намерении Марции, которой он больше всего дорожил из своих наложниц (ее положение ничем не уступало положению законной жены, у нее было все, что и у Августы, за исключением преднесения факела), — она, узнав о столь неразумном и непристойном его желании, сначала упрасивала и, припав к его ногам, умоляла со слезами не оскорблять Римскую державу и не подвергать себя опасности, отдавшись гладиаторам и пропащим людям. (5) Ничего не добившись от него своими продолжительными мольбами, она ушла, проливая слезы; Коммод же, послав за Летом, префектом претория, и Эклектом, своим главным спальником, приказал сделать все приготовления, так как он намерен переночевать в казарме гладиаторов и отсюда выступить для совершения торжественных жертвоприношений, чтобы римляне увидели его в оружии. Они начали умолять его и пытались уговорить не делать ничего, недостойного императорской власти.

¹⁵ Лакуну в тексте установил и вставил после нее слова «в этот день» Шварц (поправка Шварца принята Ставенгагеном).

17. (1) Коммод, раздосадованный, прогнал их, а сам вошел в спальню, чтобы поспать (он обыкновенно делал это в полдень); взяв материал для письма — такой, что изготавливается из лицевой коры в самом тонком виде и складывается путем сгибания с обеих сторон, он записывает тех, кого следует этой ночью казнить. (2) Из них первой была Марция, за ней следовали Лет и Эклект, а за ними большое количество первых людей в сенате. Старших и еще оставшихся отцовских друзей он хотел всех устранить, стыдясь иметь почтенных свидетелей своих безобразных дел, а имущественно богатых он желал облагодетельствовать воинов и гладиаторов и разделить его между ними, чтобы одни охраняли его, а другие развлекали. (3) Сделав запись, он кладет эту записку на кровать, решив, что никто туда не войдет. Был ребенок, совсем маленький, — из тех, какие ходят без одежды, украшенные золотом и драгоценными камнями (ими забавляются живущие в роскоши римляне). Коммод чрезвычайно любил его, так что даже часто спал с ним; назывался он Филокоммодом — и это прозвание указывало на любовь к нему государя. (4) Когда Коммод ушел, чтобы по обыкновению купаться и пить, этот ребенок, попросту резвясь, вбежал по обыкновению в спальню и, взяв лежавшую на кровати записку, чтобы поиграть ею, выходит из покоя. По воле какого-то божества он встретился с Марцией. Она (также любившая ребеночка), обняв и целуя его, отнимает записку, боясь, как бы он, неразумный, по неведению не уничтожил, играя, что-нибудь нужное. Узнав руку Коммода, она была охвачена любопытством прочитать написанное. (5) Обнаружив, что оно несет смерть и что ей предстоит умереть прежде всех, Лет и Эклект последуют за ней, а затем будет столько казней других, она, испутив стон и сказав про себя, — «прекрасно, Коммод, — это благодарность за мою преданность и любовь и за твою наглость и пьянство, которое я терпела столько лет; но ты, пьяный, не совершишь это безнаказанно над трезвой женщиной», — (6) сказав это, она посылает за Эклеком — он обыкновенно приходил к ней, как хранитель спальни; злословили даже, что она сожительствует с ним. Дав ему записку, она сказала: «посмотри, какое нам предстоит всеобщее празднество». Прочтя и ужаснувшись, Эклект (он был родом египтянин, склонный от природы дерзать и действовать, и вместе с тем поддаваться гневу), запечатав записку, посылает ее через какого-то своего верного человека для прочтения Лету. (7) Тот, также встревоженный, приходит к Марции, будто для того, чтобы обдумать вместе с ними приказания государя и то, что относилось к казарме гладиаторов; притворившись, будто обдумывают важные для него дела, они условливаются лучше опередить его каким-нибудь действием, нежели потерпеть от него: нет времени для промедления или отсрочек. (8) Принимается решение: нет времени для Марция обещала очень легко дать его — ведь она обыкновенно замешивала и подавала первое питье, чтобы ему приятнее было пить от любимой. Когда он пришел после купания, она, налив в чашу яду, замешав благовонным вином, дает ему пить. Испытывая жажду после долгого купания и упражнений со зверями, он и выпил как обычную заздравную чашу, ничего не замечая. (9) Немедленно же он впал в оцепенение и, чувствуя позыв ко сну, подумав, что это происходит с ним от утомления, лег отдохнуть. Эклект же и Марция приказали всем удалиться и разойтись по домам, — они будто бы готовили для него тишину. Так обыкновенно случалось с Коммодом и в другое время из-за опьянения: часто моясь и часто принимая пищу, он не имел определенного времени для отдыха, предаваясь чередовавшимся разнообразным наслаждениям, которым он даже против своей воли рабски служил в любой час. (10) Недолго он оставался спокойным, а когда яд дошел до желудка и брюшной полости, наступило головокружение и затем появилась обильная рвота — потому ли, что имевшаяся

ранее пища вместе с большим количеством напитков вытесняла яд, или из-за предварительно принятого противоядия, которое обычно всякий раз принимают государи перед пищей.

(11) Из-за обильной рвоты они испугались, как бы Коммод, извергнув весь яд, не протрезвился и им всем не пришлось погибнуть, и убеждают некоего юношу по имени Нарцисс, крепкого и цветущего, войти к Коммоду и задушить его, пообещав дать великие награды. Ворвавшись, он, схватив за горло ослабевшего от яда и опьянения Коммода, убивает его. (12) Таков был конец жизни Коммода, который процарствовал тринадцать лет после смерти отца, превосходил благородством происхождения государей, своих предшественников, красотой и стройностью тела больше всех выделялся среди людей своего времени; если же следует сказать и о мужестве, он никому не уступал в меткости и ловкости рук. Если бы только он не запятнал этих прекрасных качеств позорными занятиями, как рассказано выше!

(Продолжение следует)
